

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ POLITICAL PORTRAITS

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-2-394-416

EDN: FQWJGJ

Научная статья / Research article

«Трамплотия» как феномен принятия внешнеполитических решений

К.П. Курылев¹, Д.В. Станис¹, Н.П. Пархитко^{1,2}✉, И.С. Пятибратов²¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация✉npparkhitko@fa.ru

Аннотация. В Соединенных Штатах с их исторически сложившейся моделью «плюралистической демократии» крупный бизнес и транснациональные корпорации (ТНК) являются не просто внешними лоббистами, а неотъемлемой частью политического процесса. Их влияние, реализуемое через формальные и неформальные каналы, такие как финансирование избирательных кампаний, мощное лоббирование и феномен «вращающихся дверей», пронизывает все этапы принятия решений — от формирования законодательной повестки до работы исполнительной власти. Эта устойчивая система взаимодействия экономической и политической элит создает контекст, в котором формируется и реализуется внешняя политика страны. Внешнеполитический курс Дональда Трампа как в его первую каденцию (2017–2021 гг.), так и после возвращения в Белый дом в 2025 г., стал наглядным проявлением и усилением этой тенденции. Его уникальный стиль, часто обозначаемый как «трамплотия», представляет собой радикальный отход от традиционных парадигм американской внешней политики. Возвращение Д. Трампа к власти позволяет говорить не о временном отклонении, а об утверждении устойчивой альтернативной модели. Исследование посвящено феномену «трамплотии» — внешнеполитического стиля 45-го и 47-го президента США. Проанализированы его ключевые принципы, такие как транзакционный национализм, экономический протекционизм, прагматизм, отказ от многосторонности в пользу двусторонних отношений и использование непредсказуемости как инструмента давления. На конкретных примерах (отношения с Североатлантическим альянсом, торговая война с Китаем, диалог с Северной Кореей и Россией) выявлены сильные и слабые стороны данного подхода, а также его комплексное влияние на архитектуру международных отношений. Для решения поставленной академической задачи авторы исследования оперируют методологией исторической и политической наук: историко-аналитическим методом, методом сравнения, методом социально-исторических и социально-политических аналогий, а также методом политического анализа. «Трамплотия» сопоставлена с принципами классической дипломатии, и сделан вывод о ее роли как системного вызова устоявшимся нормам либерального миропорядка, что делает «трамплотию» знаковым явлением современной мировой политики.

Ключевые слова: США, бизнес, ТНК, власть, Дональд Трамп, внешняя политика, международные отношения, НАТО, Китай, Украина, Ближний Восток, Индия, торговая война

Вклад авторов. Курылев К.П.: концептуализация, разработка методологии исследования, руководство исследованием. Пархитко Н.П.: методологическая работа, написание — подготовка черновика рукописи и ре-

© Курылев К.П., Станис Д.В., Пархитко Н.П., Пятибратов И.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

дактирование рукописи по итогам рецензирования. Станис Д.В.: вычитка материала, первичная корректировка текста. Пятибратов И.С.: подготовка источниковой базы, подбор документов, валидация данных. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Курылев К. П., Станис Д. В., Пархитко Н. П., Пятибратов И. С. «Трампломатия» как феномен принятия внешнеполитических решений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 2. С. 394–416. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-394-416>; EDN: FQWJGJ

‘Trumplomacy’ as a Phenomenon of Foreign Policy Decision-Making

Konstantin P. Kurylev¹, Daria V. Stanis¹, Nickolay P. Parkhitko^{1,2}✉,
Ivan S. Pyatibratov²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉npparkhitko@fa.ru

In the United States, big business and transnational corporations (TNCs) are not merely external lobbyists but an integral part of the political process within the historically established model of ‘pluralist democracy.’ Their influence permeates all stages of decision-making, from shaping the legislative agenda to the workings of the executive branch, through formal and informal channels, such as campaign financing, powerful lobbying, and the phenomenon of the ‘revolving doors.’ This stable system of interaction between economic and political elites forms the context in which the country’s foreign policy is formed and implemented. Donald Trump’s foreign policy course, both during his first term (2017–2021) and after returning to the White House in 2025, has become a clear manifestation and reinforcement of this trend. His unique style often referred to as ‘Trumplomacy’ (Trump + diplomacy), represents a radical departure from traditional paradigms in American foreign policy. The return of D. Trump to power allows us to speak not of a temporary deviation, but of the establishment of a stable alternative model. This article examines the phenomenon of ‘Trumplomacy’ — the foreign policy style of the 45th and 47th presidents of the United States. It analyzes the key principles, such as transactional nationalism, economic protectionism, pragmatism, the rejection of multilateralism in favor of bilateral relations, and the use of unpredictability as a tool of pressure. Using specific examples (relations with NATO, the trade war with China, dialogue with North Korea and Russia), the strengths and weaknesses of this approach, as well as its comprehensive impact on the architecture of international relations, are identified. To address the academic objective, the authors of the study employ the methodology of historical and political sciences: the historical-analytical method, method of comparison, socio-historical and social and political analogies, and political analysis. In conclusion, the paper conducts a comparative analysis of ‘Trumplomacy’ with the principles of classical diplomacy and concludes on its role as a systemic challenge to the established norms of the liberal world order, identifying it as a significant phenomenon of contemporary geopolitics.

Key words: USA, business, transnational corporations, power, Donald Trump, foreign policy, international relations, NATO, China, Ukraine, the Middle East, India, trade war

Authors’ contributions. K.P. Kurylev: conceptualization, development of research methodology, research supervision. N.P. Parkhitko: methodological work, writing — preparation of the draft manuscript and editing of the manuscript following the review. I.S. Pyatibratov: preparation of source materials, selection of documents, data validation. D.V. Stanis: proofreading of the material, initial text correction. All authors have read and approved the final version of the article.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kurylev, K. P., Stanis, D. V., Parkhitko, N. P., & Pyatibratov, I. S. (2026). ‘Trumplomacy’ as a phenomenon of foreign policy decision-making. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(2), 394–416. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-2-394-416>; EDN: FQWJGJ

Введение: историография и методология исследования

Особенности политических процессов второго десятилетия XXI в. привнесли многообразие различных форм и видов дипломатии. В специализированной литературе можно встретить такие формулировки, как «научная дипломатия», «климатическая дипломатия», «цифровая дипломатия» и др. (Райнхардт, 2020). «Дипломатия уже давно перестала быть делом исключительно только внешнеполитических/дипломатических структур и дипломатов... которые в рамках государственных институтов профессионально решают задачи, связанные с реализацией внешнеполитического курса страны. Разрешение традиционных внешнеполитических задач государства в контексте новых условий предполагает определенное переосмысление функций дипломатии и существенное расширение круга участников международного общения. Разноплановость и множественность решаемых на международной арене политических, экономических, экологических, культурных, научных и других проблем вызывает настоятельную необходимость участия в международных переговорах, дискуссиях представителей бизнеса, культуры, науки, общественных деятелей, неправительственных организаций» (Русакович, 2017).

Предметом анализа данного исследования служит дипломатия Дональда Трампа, точнее, его видение дипломатии как явления. Дональд Трамп, 45-й и 47-й президент США, не только предлагает альтернативную концепцию дипломатии, но и активным образом имплементирует ее в практической плоскости.

Как первая, так и в особенности вторая администрации Д. Трампа характеризуются персонализацией внешнеполитического процесса и попытками уйти от бюрократии в дипломатии и в области принятия решений. Д. Трамп демонстрирует нетерпимость к традиционным процедурам процесса принятия внешнеполитических решений и не склонен использовать стандартный механизм дипломатии. Его стиль руководства напоминает семейный бизнес, в котором ценятся лояльность и быстрые ре-

зультаты, а не институциональные нормы. Иными словами, там, где традиционная дипломатия подразумевает рассчитанные в среднесрочном и долгосрочном плане многоходовые комбинации и сложные политические маневры, Д. Трамп предпочитает действовать «в один ход» либо «проводить прямую». Любопытно, что подобную смысловую модель ведения дел Д. Трамп «выявляет» и даже позиционирует в собственных литературных сочинениях. Наиболее ярко этот подход проявляется в его работах «Искусство заключать сделки» (Трамп, Шварц, 2010) и «Трамп никогда не сдается»¹, вышедшие в свет в 1987 и 2008 гг. соответственно.

Транзакционная дипломатия, лежащая в основе внешнеполитического курса Д. Трампа, проистекает из бизнес-ориентированного мировоззрения, в котором международные отношения рассматриваются как серия сделок, направленных на получение немедленных выгод. Как указывает старший советник Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России И.В. Лябухов, данный подход «отражает представление о внешней политике как о конкуренции за ресурсы и влияние, а не как о системе, основанной на институциональных обязательствах или идеологических ценностях» (Лябухов, 2025).

Таким образом, дипломатическая практика Д. Трампа, как представляется, зиждется на двух опорах. В *теоретическом* плане — это феномен транзакционной дипломатии, который представляет собой специфическую форму международного взаимодействия, базирующуюся на принципах обмена уступками, аналогичных рыночным или бизнес-практикам. В рамках данного подхода дипломатические переговоры трактуются как прагматический процесс торга, направленный на минимизацию издержек и максимизацию конкретных выгод для каждой стороны. В *политико-философском* измерении дипломатия Д. Трампа опирается на интеллектуальную платформу неореализма. Его внешнеполитическая практика

¹ Трамп Д. Трамп никогда не сдается. Москва : Эксмо, 2025.

исходит из практики «игры с нулевой суммой», где внешние связи — это угрозы, а экономический национализм нацелен на сделки с относительно выигрышами. Смещение президента к неформальным каналам и узкому кругу доверенных лиц придает его решениям личностную окраску и задает высокий темп, но ослабляет механизмы, которые должны поддерживать достижения Белого дома в долгосрочной перспективе. Его дипломатия «быстрых сделок» (то есть фактически дипломатия давления) успешна лишь при условии принципиальной практической поддержки оппонировавшей стороны. В противном случае кажущаяся стороннему наблюдателю «жесткая позиция» хозяина Белого дома не конвертируется ни в практические результаты, ни даже в устойчивые дипломатические комбинации. Наглядным примером здесь может послужить курс, заданный Д. Трампом в отношении «поглощения» Канады и аннексии Гренландии, но сравнительно быстро утративший внешнеполитическую приоритетность в Белом доме по мере смещения векторов международной повестки.

В ходе работы над исследованием авторы использовали широкий перечень методов как исторической, так и политической наук. К первым относится историко-аналитический, сравнительно-исторический и ретроспективный методы. Ко второй группе относятся системный, бихевиористский, нормативно-ценностный и социологический методы.

Ключевую цель исследования авторы видят в выявлении особенностей и академическом осмыслении принципиально новой дипломатической практики, применяемой Д. Трампом в рамках внешнеполитического курса США. Авторы предлагают дефиницию «трампломатия», синтезирующую как теоретические подходы к внешнеполитической работе президента США, так и анализ практических результатов этой работы, уже имеющихся в достаточном количестве в разных регионах мира.

Исходя из академической цели авторами были поставлены практические задачи исследования, включающие в себя исследование личности 45-го и 47-го президента

США, анализ внешнеполитической программы Д. Трампа², а также изучение влияния «трампломатии» на мировую повестку через призму регионов.

Анализ личностных характеристик Д. Трампа нашел свое отражение в исследовании А. Громова (Громов, 2025). В нем автор предлагает ретроспективную оценку формирования модели поведения президента США через историю трех поколений его семьи, прошедшей путь от эмигрантов до семьи миллиардера и президента.

Психологический портрет Д. Трампа убедительно представлен в работе Е.А. Поповой, в которой автор исследует речевые стратегии в политическом дискурсе кандидатов в президенты США Д. Трампа и К. Харрис в ходе предвыборной кампании 2024 г. (Popova & Ivanova, 2024). Вьетнамский исследователь политических технологий Т. Нгуен также анализирует лингвистические особенности президента США в обеих его инаугурационных речах (Nguyen, 2025). Российский исследователь В.Е. Косяков выделяет политический цинизм в качестве фактора, обусловившего успех избирательной кампании Д. Трампа в его первую каденцию (Kosyakov, 2022). Первичный анализ личности Д. Трампа провели также Р.Р. Гасимова и Н.В. Подковырина (Гасимова, Подковырина, 2018).

Переходя к политическому портрету 45-го и 47-го президента США, отметим исследование Н.С. Латыповой, посвященное истории чрезвычайных полномочий президентов США с момента основания государства и до окончания первого президентского срока Д. Трампа (Latypova, 2021). Фактор влияния личности Д. Трампа на внутривластный ландшафт США исследовали американский политолог С. Милкис, поднявший такую сложную проблему, как взаимодействие президента США с так называемым «глубинным государством» (Milkis, 2025). Российский исследователь

² Trump's Foreign and Economic Strategy: A Return to Realism and Protectionism // Centre for Strategic Discourse (CSD). April 13, 2025. URL: <https://www.strategiccentre.org/trumps-foreign-and-economic-strategy-a-return-to-realism-and-protectionism> (accessed: 27.03.2026).

Н. Клюкин предлагает анализ внешнеполитического инструментария Д. Трампа, сформировавшегося в течение его первой каденции (Клюкин, 2020). Дипломатическая практика президента США на внешнеполитической арене нашла свое академическое отражение в исследованиях С. Фитцсиммонса (Fitzsimmons, 2022), М. Алсерды (Alserda, 2025), Дж. Лина (Lin, 2025) и Д. Аллина (Allin, 2024). Исчерпывающую оценку политического амплуа Д. Трампа, сформировавшегося в период его первого президентского срока, дает коллективная монография под редакцией член-корреспондента РАН В.Н. Гарбузова с соавторами (Трамп и его политика..., 2025).

Наконец, региональное измерение дипломатии Д. Трампа нашло свое отражение в трудах российских исследователей П.П. Яковлева (Yakovlev, 2025), Н.О. Юдина (Yudin & Iwersen, 2025) и зарубежных авторов Э. Спенсера (Spencer, 2025), М. Шахбаза (Shahbaz, Mustafa & Liqat, 2024), П. Куранши (Kuranchie, 2024) и Ф. Гржегоржевского (Grzegorzewski, 2022).

Крупный бизнес в международных отношениях

Глобализация превратилась в доминирующий фактор мирового политического развития, выйдя далеко за рамки экономики. Этот процесс способствовал появлению новых влиятельных акторов на международной арене, среди которых особое место занимают транснациональные компании (ТНК). Сегодня они стали самостоятельными акторами международных отношений, активно участвующими в глобальных процессах, причем сама глобализация развивается под контролем ограниченного числа сверхмощных корпораций (Станис, Курылев, 2018).

В современную эпоху концентрация власти достигла беспрецедентных масштабов. Крупнейшие технологические корпорации — так называемые *'Big Tech'* (*Alphabet*, *Meta*³, *Amazon*, *Apple*) — по своей рыночной капита-

лизации и влиянию превосходят валовой внутренний продукт (ВВП) многих национальных государств. Их цифровые платформы формируют новые глобальные публичные сферы, правила взаимодействия и информационные потоки, фактически создавая собственную регуляторную среду.

Экспансия ТНК приобрела особенно крупные масштабы в последние десятилетия. Будучи негосударственными структурами, они оказывают растущее влияние не только на экономику, но и на политическую, военную, информационную, научно-технологическую и экологическую сферы. В технологической области ТНК стали главными драйверами гонки за лидерство в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений и биотехнологий, что непосредственно влияет на национальную безопасность и экономический суверенитет стран (Курылев и др., 2017).

В международно-политическом измерении ТНК превратились как в инструменты, так и в поле битвы в противостоянии великих держав, особенно США и Китайской Народной Республики (КНР). Санкционные войны демонстрируют, как корпорации вынуждены выбирать сторону, а их глобальные цепочки поставок становятся уязвимыми. В экологической сфере под давлением инвесторов и общества нефтегазовые и технологические гиганты берут на себя роль, традиционно присущую межправительственным организациям, декларируя цели по достижению углеродной нейтральности (Станис, Курылев, 2020).

Особенностью современной эпохи стало то, что некоторые ТНК начали проводить собственную «внешнюю политику», независимую от официальной позиции своих стран. Ярким примером являются западные компании, продолжающие работу в России после начала специальной военной операции (СВО) на Украине или, наоборот, сворачивающие ее под давлением общественности, де-факто формируя экономические условия конфликта.

Методы политического влияния ТНК также эволюционировали. К традиционному лоббизму добавились прямое финансирование избирательных кампаний через *Super PACs*

³ Компания *Meta* признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

в США, создание аналитических центров (*think tanks*), продвигающих нужные корпорациям нарративы, цифровое лоббирование и влияние через социальные сети. Руководители таких компаний, как *Tesla* или *BP*, сегодня часто выступают в роли неофициальных дипломатов, чьи заявления по международным вопросам могут оказывать на рынки большее влияние, чем официальные коммюнике правительств.

Исследования подтверждают усиление концентрации корпоративной власти. Еще в 2011 г. ученые Швейцарского федерального технологического института выявили существование «супергруппы» из 147 компаний, контролирующей 40 % мирового капитала⁴. В 2020-х гг. этот тренд только усилился: доминирование «суперзвездных» корпораций, особенно в IT-секторе, продолжает расти, создавая беспрецедентную асимметрию между горсткой гигантов и остальными участниками рынка, включая целые государства.

Среди всех ТНК ведущую роль в мировых политических процессах играют американские корпорации, а сами США представляют наиболее яркий пример интеграции крупного бизнеса во власть. Особенно наглядно это проявилось в феномене президентства Д. Трампа, где границы между государственными интересами и частным бизнесом оказались существенно размыты.

Д. Трамп: бизнесмен-политик

В современном контексте феномен сращения бизнеса и власти в США вышел далеко за рамки традиционного лоббизма. Сегодня он проявляется в прямом переходе топ-менеджеров и основателей корпораций на ключевые государственные посты (как в администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена), в беспрецедентных объемах корпоративных расходов на избирательные кампании после решения по иску некоммерческой организации *Citizens United* про-

тив Федеральной избирательной комиссии США (*Federal Election Commission, FEC*), а также в растущем политическом активизме крупного бизнеса в вопросах, касающихся климатической политики, социального равенства и избирательного права.

Однако американский опыт гораздо более широкий. Ниже (табл.) представлены некоторые (за последние 25–30 лет) политические и государственные деятели США и аффилированные с ними в разное время бизнес-структуры.

Как видно даже из этого неполного списка, представительство на различных этажах власти в США крупного американского бизнеса более чем внушительно, и нынешний президент Д. Трамп — не первый его представитель на посту главы государства. Однако мы в своем исследовании остановимся именно на его фигуре, так как только ему на текущий момент удалось непосредственно пересечь из кресла главы крупной компании в кресло президента США. У того же Дж. Буша-ст. имелась немалая дистанция от момента руководства компанией до Овального кабинета, а у Р. Перо и М. Ромни «въехать» в него вообще не получилось, хотя в президентской гонке они и участвовали, причем Р. Перо — даже дважды. М. Ромни в свою очередь, как и Дж. Буш-ст., имел уже обширный политический опыт к тому моменту, как принял решение в 2012 г. баллотироваться на пост президента США.

Феномен Д. Трампа знаменует новую модель взаимодействия бизнеса и власти, для которой характерно беспрецедентное стирание границ между интересами государства и частного бизнеса. Это проявилось в использовании курортов, принадлежащих корпорации Д. Трампа, для проведения официальных мероприятий, в назначении членов семьи на ключевые посты и активном продвижении личного бренда, что вызвало многочисленные этические споры и судебные разбирательства.

Историческим предшественником в роли бизнесмена-политика Д. Трампа стал Р. Перо, который в 1992 г. набрал рекордные 19 % голосов, продемонстрировав существование мощного протестного электората, чувствующего себя преданным глобализацией и политиче-

⁴ Mackenzie D., Coghlan A. Revealed — The Capitalist Network That Runs the World // New Scientist. October 19, 2011. URL: <https://www.newscientist.com/article/mg21228354-500-revealed-the-capitalist-network-that-runs-the-world/> (accessed: 08.10.2025).

ским истеблишментом. Однако ключевое отличие заключалось в медиастратегии и политическом подходе: если Р. Перо полагался на телевизионные ток-шоу и создание третьей партийной силы, то Д. Трамп эффективно использовал соцсети для прямого общения с избирателями, что позволило ему не только мобилизовать протестный электорат, но и «захватить» Респуб-

ликанскую партию, превратив ее в инструмент своей политической воли (Lin, 2025).

Политическое становление Д. Трампа прошло несколько этапов (Станис, Курылев, 2020). Его первый опыт в «Партии реформ» Р. Перо в 2000 г. закончился неудачей, но стал ценным уроком, показавшим тупиковость создания третьей партии в американской политической

Связи государственных деятелей США с бизнес-структурами

ФИО	Должность	Корпорация
Дональд Трамп	Президент США (2017–2021 гг., (2025 г. — н.вр.)	<i>Trump Organization</i>
Джордж Буш-старший	Президент США (1989–1993 гг.)	<i>Zapata Corporation, Zapata Offshore Company</i>
Ричард Чейни	Вице-президент США (2001–2009 гг.) Министр обороны США (1989–1993 гг.)	<i>Halliburton, Procter & Gamble, Union Pacific, Electronic Data Systems</i>
Кондолиза Райс	Госсекретарь США (2005–2009 гг.)	<i>Charles Schwab Corporation, the Chevron Corporation, Hewlett Packard, the Transamerica Corporation</i>
Рекс Тиллерсон	Госсекретарь США (2017–2018 гг.)	<i>Exxon Mobil</i>
Джордж Шульц	Государственный секретарь в 1982–1989 гг. при администрации президента Р. Рейгана	Президент <i>Bechtel Corporation</i>
Дональд Рамсфельд	Министр обороны США (1975–1977 гг., 2001–2006 гг.)	<i>G.D. Searle & Company, General Instrument Corporation, Gilead Sciences</i>
Чарльз Эрвин Уилсон	Министр обороны США в 1953–1957 гг. при президенте Д. Эйзенхауэре	Президент и главный исполнительный директор <i>General Motors</i>
Пенни Притцкер	Министр торговли в 2013–2017 гг. при президенте Б. Обаме	Основательница компаний в сфере финансов и недвижимости <i>PSP Partners, PSP Capital Partners</i> и <i>Pritzker Realty Group</i> , соучредительница <i>Artemis Real Estate Partners</i> и <i>Inspired Capital</i>
Дональд Риган	Министр финансов в 1981–1985 гг., руководитель аппарата Белого дома в 1985–1987 гг. при администрации президента Р. Рейгана	Председатель совета директоров и генеральный директор <i>Merrill Lynch</i>
Питер Джордж Питерсон	Министр торговли США в 2023–2025 гг. при администрации президента Дж. Байдена	Председатель и генеральный директор <i>Lehman Brothers</i>
Джефф Зиентс	Руководитель аппарата Белого дома в 1985–1987 гг. при администрации президента Р. Рейгана	Главный операционный директор (1996–1998), генеральный директор (1998–2000), председатель совета директоров (2001–2004) компании <i>Advisory Board</i> , председатель совета директоров (2000–2001) корпоративного исполнительного совета
Митт Ромни	Кандидат в президенты США в 2012 г. Сенатор США от штата Юта (с 2019 г.)	<i>Bain Capital</i>
Росс Перо	Кандидат на пост президента США в 1992 и 1996 гг.	<i>Perot Systems</i>
Майкл Блумберг	Мэр Нью-Йорка (2002–2013 гг.)	<i>Bloomberg L.P.</i>

Источник: составлено К.П. Курылевым, Д.В. Станис, Н.П. Пархитко и И.С. Пятибратовым.

системе. Последующая кампания “*Birtherism*”⁵, в ходе которой он оспаривал легитимность президентства Б. Обамы, хотя и была широко осуждена, позволила ему укрепить образ защитника «настоящей Америки» и завоевать доверие ультраконсервативной базы Республиканской партии.

Избирательная стратегия Р. Перо в 2016 г. стала революционной благодаря уникальному сочетанию трех факторов: использованию социальных сетей для прямого общения с избирателями в обход традиционных СМИ, применению *Big Data* и микротаргетирования для персонализированной агитации, а также фокусировке на проблемах «ржавого пояса» и «забытого мужчины», что вскрыло глубинные социально-экономические проблемы деиндустриализации и неравенства, десятилетиями игнорировавшиеся политическим истеблишментом (Latypova, 2021).

Парадокс победы Д. Трампа в 2016 г., когда он получил большинство голосов Коллегии выборщиков, но проиграл в народном голосовании почти на 3 млн голосов, выявил глубокий раскол в американском обществе и уязвимость избирательной системы. Его последующее поражение в 2020 г. и эффектное возвращение в Белый дом в 2025 г. доказали устойчивость созданной им политической модели. Эта модель, основанная на прямой связи с «голосующей базой» и противостоянии с «вашингтонским болотом», прошла проверку многочисленными судебными разбирательствами и в конечном итоге привела к его триумфальному возвращению в Белый дом в 2025 г., сделав его 47-м президентом США.

Поведенческий стиль Д. Трампа

Стиль Дональда Трампа, который вновь стал определяющим для Белого дома с января 2025 г., по-прежнему можно назвать эксцент-

ричным, специфическим и уникальным, но ни одно определение не будет исчерпывающим. Этот стиль будто соткан из противоречий, сплетающихся в понятный только самому главе Белого дома и лишь ему подвластный сценарий. Его сотрудники и партнеры приписывают ему диаметрально противоположные качества: он любит четкое расписание, но действует импульсивно, мыслит глобальными категориями, но погружается в мельчайшие детали, ценит конкуренцию, но ведет себя как безусловный хозяин положения (Громов, 2025).

Его первый срок президентства (2017–2021) стал практическим воплощением этого стиля, характеризовавшегося перманентной кадровой чехардой, управлением через *Twitter* (ныне *X*⁶) и созданием атмосферы «перманентного скандала» (Kosyakov, 2022). После ухода из Белого дома и в ходе своей второй избирательной кампании 2024 г. эти черты лишь заострились. Несмотря на беспрецедентное бремя — одновременное ведение предвыборной гонки и участие в многочисленных судебных разбирательствах, феноменальная работоспособность и стрессоустойчивость Д. Трампа только укрепили его образ «несгибаемого борца» в глазах сторонников. Эта способность сохранять насыщенный график, сочетая обязанности президента с личными юридическими баталиями, сохранилась и после его инаугурации в 2025 г.

Парадокс стиля управления Д. Трампа заключается в том, что импульсивность и склонность к микроменеджменту — будь то утверждение рождественского декора в *Trump Tower* в прошлом или деталей освещения в Овальном кабинете сегодня — сочетаются с исключительным стратегическим чутьем (Nguyen, 2025). Он с завидной точностью улавливает и озвучивает глубинные страхи и надежды своей базы избирателей относительно иммиграции, деиндустриализации и культурных войн. Именно эта способность, а не следование партийной доктрине позволила ему не только мобилизовать многомиллионное движение, но и полностью перестроить

⁵ Движение *Birtherism* («Биртеризм») — это маргинальная, но шумевшая конспирологическая теория, которая возникла в США в период президентской кампании 2008 г. и активно развивалась в последующие годы. Ее центральное и абсолютно ложное утверждение заключалось в том, что Б. Обама, 44-й президент США, не родился на территории США и, следовательно, не имел конституционного права занимать пост президента.

⁶ Социальная сеть *X* (ранее *Twitter*) заблокирована на территории Российской Федерации по требованию Генеральной прокуратуры РФ (Прим. ред.).

Республиканскую партию, превратив ее в «партию Трампа».

Анализ его личностного профиля, проведенный ранее (Гасимова, Подковырина, 2018), остается поразительно актуальным на момент написания данного исследования. Доминирующие черты — амбициозность, бесстрашие, динамичность и ярко выраженный нарциссизм — продолжают определять президентство Д. Трампа. События после выборов 2020 г. и штурм Капитолия 6 января 2021 г. стали крайним проявлением этих качеств, показав, что его «жажда власти» и нежелание признавать поражение могут напрямую угрожать политической стабильности США. Сегодня, вернувшись к власти, он использует эту же риторику, но уже с позиции силы, систематически представляя прошлые и текущие судебные преследования как политически мотивированные атаки «глубинного государства», что неизменно находит отклик у его сторонников (Kuranchie, 2024).

«Правящий политический класс США уму-дринился настолько разочаровать и американцев, и граждан других государств, что уже само выражение готовности начать „все делать иначе“ вызывает определенный оптимизм. Та встряска, которую он учинил политическому олимпу США, заставит истеблишмент и оппозицию действительно менять свои подходы и сложившиеся десятилетиями правила игры, пусть и не так радикально, как это предлагает Д. Трамп» (Дробницкий, 2016).

Это утверждение, сделанное еще в 2016 г., в настоящее время звучит не просто пророчески, а как констатация свершившегося факта. «Встряска» оказалась настолько глубокой, что привела к фундаментальной трансформации Республиканской партии, которая теперь является, по сути, «партией Трампа». Его политический стиль — конфронтационный, популистский и основанный на личной лояльности — стал новой нормой для значительной части американского политического ландшафта. Исход выборов 2024 г. и возвращение Д. Трампа в Белый дом доказали, что «феномен Трампа» и раскол в обществе, который он олицетворяет и которым умело управляет, являются не временным

отклонением, а устойчивой и определяющей реальностью американской политики на годы вперед. Д. Трамп — не просто один из представителей «нового популизма», который неожиданно для большинства сторонников либеральной демократии и безудержной глобализации набирает вес во многих странах мира. Провозглашенный Д. Трампом лозунг вернуть США неоспоримое лидерство опирается на целый набор вполне прагматичных идей. Тем интереснее личность Дональда Трампа — яркого, нестандартного политика, который, будучи слабо интегрированным в политический истеблишмент США бизнесменом, сумел в 2016 г. победить на выборах президента страны (Феномен Трампа, 2020), проиграть следующие выборы и вернуться в Белый дом спустя четыре года.

Внешнеполитическая доктрина Д. Трампа

Внешнеполитическая доктрина Дональда Трампа, сформировавшаяся в его первый президентский срок и окончательно закрепившаяся после его возвращения в Белый дом в 2025 г., представляет собой последовательную и эволюционирующую реализацию принципа «Америка прежде всего». Этот курс не только шел вразрез с послевоенной традицией американской внешней политики, но и существенно отличался от официальной повестки Республиканской партии. По точному замечанию внешнеполитического обозревателя *Bloomberg* Дж. Рогина⁷ со ссылкой на бывшего советника Трампа, С. Нунберга, доктрину действующего президента США можно назвать «рейгановской *realpolitik*» — политикой, свободной от идеологической догмы и меняющейся в зависимости от обстоятельств. Ключевым отличием был отказ от включения в категорию «национального интереса» таких либеральных ценностей, как продвижение демократии, гуманитарное вмешательство и защита прав человека за рубежом. По словам С. Нунберга,

⁷ Rogin J. The Trump Doctrine Revealed // *Bloomberg*. January 31, 2016. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-01-31/the-trump-doctrine-revealed> (accessed: 08.10.2025).

Д. Трамп «не думает, что США следует платить кровью или деньгами за попытки изменения системы в других странах» (Клюкин, 2020).

На практике в первый срок это выразилось в серии резких шагов по демонтажу многосторонних структур: выходе из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Парижского соглашения по климату, Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранскому «ядерному досье» и Всемирной организации здравоохранения. Краеугольным камнем экономической политики стал протекционизм, вылившийся в масштабные торговые войны с Китаем и союзниками по Европейскому союзу (ЕС), где Д. Трамп отдавал безусловный приоритет двусторонним сделкам. Его прямая, недипломатичная манера ведения переговоров и ставка на личные отношения с такими лидерами, как Владимир Путин и Ким Чен Ын, шокировали традиционный истеблишмент, но нашли горячую поддержку у его электоральной базы, уставшей от зарубежных авантюр. Уникальной чертой его дипломатического стиля — «**трампломатии**» — стала *стратегическая непредсказуемость, основанная на личном факторе и использующая хаотичную риторику в качестве инструмента давления и подменяющая традиционные механизмы классической дипломатии*.

Одержав победу на президентских выборах 2024 г. и вернувшись к власти в 2025 г., Д. Трамп трансформировал этот революционный подход в системную и более жесткую стратегию «Америка прежде всего 2.0» (Allin, 2024). На смену точечным торговым конфликтам пришла политика ускоренной деглобализации, ознаменовавшаяся введением универсальных базовых тарифов на весь импорт. Противостояние с Китаем окончательно перешло в плоскость тотальной стратегической и технологической конфронтации. Отношения с традиционными союзниками были пересмотрены через призму «условного атлантизма»: приверженность Организации Североатлантического договора (НАТО) была поставлена в прямую зависимость от немедленных и ощутимых материальных взносов партнеров.

Таким образом, эволюция доктрины Д. Трампа от первого ко второму сроку знаме-

нует переход от шокирующей деконструкции к целенаправленному построению новой международной архитектуры, основанной исключительно на жестком прагматизме и экономическом национализме (Fitzsimmons, 2022). Если изначально «Америка прежде всего» была вызовом глобальному статус-кво, то к 2025 г. она превратилась в системную силу, переопределяющую правила игры и закрепляющую отказ США от роли гаранта либерального миропорядка.

«Трамплوماتия» как внешнеполитический стиль Д. Трампа

«Трамплوماتия», зародившаяся в первый президентский срок Дональда Трампа, эволюционировала из набора провокационных тактик в более структурированную, но не менее радикальную внешнеполитическую стратегию. Ее теоретической основой является *транзакционный национализм 2.0*, где изначальная концепция “*America First*” не только сохраняется, но и доводится до своего логического завершения. На практике это выражается в более системном подходе к стратегическому «разделению экономик» (*decoupling*) и «снижению рисков» (*de-risking*) в отношениях с Китаем, а также в курсе на принудительную трансформацию международных организаций в соответствии с узкими интересами США или на выход из тех структур, которые не поддаются такому пересмотру.

Эта философия напрямую связана с другим ключевым принципом — *последовательной односторонностью и отказом от многосторонних ограничений*. В данной парадигме ключевые решения должны приниматься исключительно в Вашингтоне, а международные институты рассматриваются не как площадки для поиска компромиссов, а как инструменты для легитимации уже принятых США решений, что ведет к дальнейшему демонтажу действующей системы глобального управления. Уникальность «трампломатии» придает *гибридную непредсказуемость*, которая стала ее фирменным стилем. Она заключается в сочетании конфронтационной публичной риторики,

транслируемой через платформу *Truth Social*, с закрытыми прагматичными переговорами (Spencer, 2025). Сознательное создание такой «стратегической турбулентности» позволяет, по замыслу администрации Д. Трампа, удерживать инициативу и держать оппонентов в состоянии неуверенности (Pорова & Ivanova, 2024).

Все эти элементы венчает принцип *окончательной деидеологизации* внешней политики вкупе с попыткой абстрагироваться от влияния «глубинного государства» (Milkis, 2025). Второй срок Д. Трампа ознаменовался углублением прагматичного, лишённого моральных оценок сотрудничества с авторитаристскими режимами, где вопросы прав человека и демократических норм были открыто объявлены второстепенными по отношению к прямым интересам национальной безопасности и экономической выгоде США. В совокупности эти принципы формируют целостную, хотя и конфронтационную доктрину, которая переопределяет роль Соединённых Штатов Америки в мире, ставя во главу угла не их глобальное лидерство, основанное на ценностях, а силовое доминирование, основанное на чистом прагматизме. Причём, хотя в сферу внешнеполитических интересов США традиционно включен весь мир, отдельные его регионы, как представляется, отличаются большей приоритетностью для действующего президента США по сравнению с некоторыми другими. Так, африканское направление внешней политики США сегодня с известной долей условности можно назвать второстепенным (хотя сделанные Д. Трампом в конце октября 2025 г. враждебные высказывания в отношении Нигерии⁸ и отказ посетить Форум «большой двадцатки» в Южно-Африканской Республике под предлогом «коммунистической тирании» в этой стране⁹ не позволяют нам отнести данный регион к разряду «периферийных»). Вынося за скобки

враждебную риторику в отношении Венесуэлы и расплывчатые рассуждения об «объявлении войны наркокартелям», в значительной степени и Латиноамериканский регион может быть отнесен к категории «вторичного приоритета». Впрочем, со времен «доктрины Монро» США традиционно воспринимали данный регион как собственный «задний дворик» (*Backyard*), лишь изредка делая ситуативные исключения из этого правила (Yakovlev, 2025).

Рассмотрим практическое воплощение внешнеполитической программы Д. Трампа в региональном контексте.

Китайская Народная Республика

Политика Д. Трампа в отношении КНР представляет собой наиболее последовательное и системное воплощение принципов «трампломатии» в условиях формирования новой парадигмы американо-китайских отношений через сочетание торговых войн, технологического сдерживания и стратегического соперничества (Alserda, 2025). Его подход, основанный на тактике прямого давления и отказа от многосторонних механизмов, привёл к фундаментальному пересмотру основ взаимодействия двух держав. Примечательно, что это справедливо как для первого, так и для второго сроков президентства. Отношения с Китаем — главный объект воздействия «трампломатии», к которому сводятся меры США, направленные и на третьи страны.

Изначальной и наиболее заметной манифестацией этого курса стала развязанная в 2018 г. торговая война. Д. Трамп ввёл последовательные волны тарифов на китайские товары общей стоимостью более 500 млрд долл. США, мотивируя это необходимостью борьбы с нечестной торговой практикой, принудительной передачей технологий и системным нарушением прав интеллектуальной собственности. В отличие от предыдущих администраций, пытавшихся решать спорные вопросы через диалог в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), Д. Трамп предпочёл тактику одностороннего принуждения, используя экономическое давление как рычаг для достижения конкретных

⁸ Сенатор из Нигерии потребовал извинений от Трампа // РИА Новости. 08.11.2025. URL: <https://ria.ru/20251108/nigerija-2053679068.html> (дата обращения: 01.02.2026).

⁹ Трамп обвинил ЮАР в «коммунистической тирании» // РБК. 06.11.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/690bbc359a79474e4c2f4170> (дата обращения: 01.02.2026).

уступок со стороны Пекина¹⁰. Результатом этих действий стало первое торговое соглашение января 2020 г., которое, однако, не разрешило системных двусторонних противоречий, а лишь зафиксировало обязательства Китая по увеличению закупок американских товаров¹¹.

Ключевым аспектом взаимодействия США и КНР при Д. Трампе стала торговая война, которую американский лидер объясняет необходимостью создания справедливого по отношению к США международного рынка¹². Для достижения этой цели Д. Трамп ввел сначала тарифы в 10 %, затем в 20 %, а в итоге грозил и 125-процентным тарифом в отношении Китая. Десятипроцентные пошлины на весь импорт из Китая вступили в силу 4 февраля 2025 г. 27 февраля Д. Трамп заявил, что пошлины для Китая вырастут еще на 10 % с 4 марта, и это решение уже вступило в силу. Затем в ходе двустороннего обострения противостояния тарифы достигли 145 %, но 11 июня 2025 г. президент США объявил о торговом соглашении с Китаем, которое оставит в силе действующие 20-процентные пошлины и 10-процентные «взаимные» пошлины (в общей сложности тарифы составили 30 %), приостановив действие более высоких пошлин на 60 дней. 11 августа президент Трамп объявил, что повышение взаимной пошлины до 125 % будет приостановлено еще на 90 дней¹³. Китай со своей стороны ответил ограничениями на поставки редкоземельных металлов в США, ко-

торые являются важнейшим ресурсом как в сфере ИТ, так и для оборонной индустрии¹⁴.

При этом Китай гораздо меньше зависит от США в относительном выражении: американский экспорт составляет около 2,5 % китайского ВВП. Тем не менее в 2024 г. США были крупнейшим покупателем китайской продукции, и высокие пошлины рискуют нанести ущерб обоим экономикам. При этом ущерб для Китая может быть снижен за счет того, что Китай одновременно расширяет торговлю с остальным миром и во многих отношениях менее уязвим к сбоям в двусторонней торговле, чем США¹⁵. Сами же тарифы представляют собой макроэкономический риск для мировой экономики, учитывая нестабильное положение США¹⁶. Если ошибки «трампломатии» приведут к рецессии в США, это создаст негативные последствия для всей мировой экономики.

На уровне дискурса Д. Трамп возвел Китай в статус главной угрозы для американской национальной безопасности¹⁷, оказывая на КНР давление не только напрямую, но и через другие государства. Так, одним из условий по введению американских санкций в отношении России стали европейские санкции в отношении Китая. При этом сам Д. Трамп в известной мере противоречит собственной риторике, активно работая над возможной всеобъемлющей сделкой с Китаем, тем самым посылая смешанные сигналы: Китай одновременно и враг, и важный элемент международной экономической и политической систем.

¹⁰ Каминский А. Торговые войны: почему США передумали мириться с Китаем // Forbes. 04.06.2018. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/362459-torgovye-voyny-pochemu-ssha-peredumali-miritsya-s-kitaem> (дата обращения: 17.12.2025).

¹¹ США и Китай подписали документы по торговой сделке // РБК. 15.01.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2020/5e1f57739a7947f337051be8> (дата обращения: 17.12.2025).

¹² Fact Sheet: President Donald J. Trump Continues the Suspension of the Heightened Tariffs on China // The White House. August 11, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/08/fact-sheet-president-donald-j-trump-continues-the-suspension-of-the-heightened-tariffs-on-china/> (accessed: 03.11.2025).

¹³ York E., Durante A. Trump Tariffs: Tracking the Economic Impact of the Trump Trade War // Tax Foundation. May 5, 2026. URL: <https://taxfoundation.org/research/all-federal/trump-tariffs-trade-war/> (accessed: 01.16.2026).

¹⁴ NYT сообщила об ограничении Китаем экспорта редкоземельных металлов // РБК. 14.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/04/2025/67fc66879a794738df5cd402?from=newsfeed> (дата обращения: 17.02.2026).

¹⁵ Bao A. China's Exports Surge as Shipments to Southeast Asian Countries Offset Plunge in U.S. Trade // CNBC. May 8, 2025. URL: <https://www.cnbc.com/2025/05/09/chinas-exports-jump-us-tariffs-imports-tumble.html> (accessed: 04.11.2025).

¹⁶ Clausing K. The Aftermath of Tariffs // VOX.eu. August 29, 2025. URL: https://cepr.org/voxeu/columns/aftermath-tariffs#footnote16_bglt3k (accessed: 03.11.2025).

¹⁷ Narlikar A. With "Enemies" Like These, Who Needs Friends?: Trump's China Diplomacy // Observer Research Foundation. October 3, 2025. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/with-enemies-like-these-who-needs-friends-trump-s-china-diplomacy> (accessed: 01.11.2025).

В результате описанные меры, несмотря на их очевидную направленность против Китая, лишь усилили влияние последнего на международной арене. Если ранее США были для Китая страной, с которой важно поддерживать культурные и дипломатические связи, то теперь эти отношения перешли сугубо на транзакционные рельсы, которые снимают с Пекина какую-либо потребность в «одобрении» со стороны Вашингтона. Минимизировав международные отношения до двусторонних сделок, Д. Трамп создал ситуацию, когда ключевые оппоненты США больше не нуждаются в сдерживании собственных амбиций со стороны Вашингтона.

Параллельно администрация Д. Трампа развернула беспрецедентное технологическое противостояние, направленное на сдерживание роста китайских высокотехнологичных компаний. Центральным элементом этой стратегии стала глобальная кампания против *Huawei*, включение компании в «черный список» Министерства торговли США и лоббирование запрета на использование ее оборудования у союзников США под предлогом угроз национальной безопасности. Аналогичные ограничения были распространены на другие китайские технологические корпорации, такие как *ZTE*, *TikTok* и *WeChat*, что демонстрировало стремление к стратегическому «технологическому декаплингу» (*tech decoupling*) и защите лидерства США в критически важных секторах, включая искусственный интеллект и квантовые вычисления.

Стратегия Д. Трампа в отношении Китая влияет и на восприятие третьих стран, таких как Индия, которые, несмотря на все сложности во взаимодействии с КНР, все более и более тяготеют к Пекину. Применяя карательные пошлины и конфронтационную риторику как к друзьям, так и к врагам, США подорвали доверие партнеров, сотрудничество с которыми критически важно для эффективного противостояния Китаю. Это привело к непреднамеренному результату: Китай стал выглядеть более разумным игроком на мировой арене, позиционируя себя как сторонник многосторонних отношений, в отличие от позиций «трампломатии».

Внешнеполитический аспект «трампломатии» в отношении Китая характеризовался переносом акцента с региональных на глобальное измерение соперничества. Администрация Д. Трампа открыто оспаривала инициативу «Один пояс, один путь», обвиняя Китай в создании «долговых ловушек» для развивающихся стран, а также активизировала взаимодействие с Тайванем, утверждая продажи оружия и направляя на остров высокопоставленных официальных лиц, что вызвало резкую реакцию Пекина и способствовало эскалации напряженности в Тайваньском проливе (Grzegorzewski, 2022).

Хотя риторика и методы Д. Трампа подвергались критике за непредсказуемость и склонность к эскалации, его администрации удалось консолидировать двухпартийный консенсус в Вашингтоне относительно необходимости более жесткой линии в отношении Китая. Курс на стратегическое соперничество, впервые четко сформулированный при Д. Трампе, стал новой нормой для американской внешней политики, продолжив определять подход США и после его возвращения в Белый дом в 2025 г., где прагматичный расчет и язык санкций продолжают доминировать над дипломатическим взаимодействием.

Как представляется, тарифы будут не только сохранены, но и универсализованы. Фокус сместится на полное технологическое разделение, ограничения для американских инвестиций в Китай и усиление давления на союзников с требованием присоединиться к санкционному режиму. Риск прямой конфронтации вокруг Тайваня значительно возрастет.

Индия

Политика Д. Трампа в отношении Индии является уникальным примером сочетания жесткого экономического протекционизма и стратегического партнерства, основанного на общей заинтересованности в сдерживании Китая. Этот дуализм стал еще более выраженным после возвращения Д. Трампа в Белый дом в 2025 г., когда Индия окончательно утвердилась в качестве ключевого элемента Индо-Тихоокеанской стратегии Вашингтона.

С самого начала своего первого срока Д. Трамп подверг критике торговый дефицит США с Индией, который он называл «несправедливым». В 2019 г. его администрация отменила льготы для индийского экспорта в рамках всеобщей системы преференций (*Generalized System of Preferences*, GSP), затронув товары на сумму около 6 млрд долл. США. Д. Трамп также неоднократно жаловался на «высокие тарифы» Индии на американские товары, особенно на мотоциклы *Harley-Davidson* (Shahbaz, Mustafa & Liaqat, 2024).

В 2025 г. эти трения приобрели новый характер — администрация Трампа ввела целевые тарифы на индийские IT-услуги и изделия фармацевтической промышленности, мотивируя это необходимостью защиты американских рабочих мест и интеллектуальной собственности. Одновременно Вашингтон усилил давление на Индию в вопросе доступа на ее рынки, угрожая дополнительными торговыми ограничениями¹⁸.

В рамках противостояния США и Китая Индия стала страной, которая продемонстрировала пагубность «трампломатии» для самих США. Традиционно Индия рассматривается как важный геополитический союзник США в регионе, основной «противовес» для Китая. Тем не менее Д. Трамп, основная мотивация которого — выравнивание торгового баланса, применив ряд ограничительных мер, смог нанести ущерб американо-индийским отношениям.

Тарифы США в отношении Индии достигли 50 %, в конечном счете опередив даже рестрикции, примененные к Китаю. Поводом стали закупки Индией российской сырой нефти. Данные тарифы могут сократить экспорт Индии в США почти на 52 % в среднесрочной перспективе и уменьшить валовой внутренний продукт на 0,9 %. При этом данные тарифные меры наносят существенный ущерб непосредственно политике премьер-министра Индии Н. Модии, который уделяет существен-

ное внимание текстильной промышленности, более других пострадавшей от мер, введенных Д. Трампом. Некоторые небольшие фабрики, работающие исключительно с США, уже закрылись¹⁹.

Параллельно Д. Трамп оказывает давление на Индию, требуя доступ к политически чувствительным секторам экономики страны, таким как сельское хозяйство. При этом в обмен Д. Трамп по сути не предлагает ничего, кроме сокращения экономического давления²⁰. В этом смысле можно проследить схожесть «трампломатии» с китайской философией легизма, в рамках которой награда — это отсутствие наказания.

Существенным камнем преткновения оставались отношения Индии с Россией. В 2025 г. администрация Д. Трампа ужесточила применение закона CAATSA²¹, вводя санкции против индийских компаний, сотрудничающих с российским оборонным сектором. Это создало напряженность в отношениях, поскольку Индия исторически зависела от российских вооружений.

Энергетическое сотрудничество также стало зоной разногласий: индийская сторона, отвечая на требования Вашингтона сократить импорт российской нефти, заявила, что это возможно лишь при снятии или смягчении американских ограничений на закупки нефти у Ирана и Венесуэлы²².

¹⁹ Querolo N., Sanjay S. Trump's 50% Tariffs Sow Fear Inside Indian Apparel Hub // Bloomberg. October 3, 2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-10-03/trump-s-50-india-tariffs-threaten-nike-walmart-suppliers-with-extinction> (accessed: 01.11.2025).

²⁰ Штраф со скидкой за покладистость: Индия сохраняет возможность компенсировать пошлины за нефть из РФ торговой сделкой с США // Коммерсантъ. 07.08.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7943631> (дата обращения: 01.11.2025).

²¹ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act-Related Sanctions // Office of Foreign Assets Control. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions> (accessed: 01.11.2025).

²² Bloomberg: Индия выдвинула США условия для отказа от российской нефти // Коммерсантъ. 25.09.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8062258> (дата обращения: 01.11.2025).

¹⁸ Трамп замахнулся на Нью-Дели: тарифы США в отношении Индии достигнут 50 % // Российская газета. 07.08.2025. URL: <https://rg.ru/2025/08/07/tramp-zamahnulsia-na-niu-deli-tarify-ssha-v-otnoshenii-indii-dostignut-50.html> (дата обращения: 17.10.2025).

Тем не менее Д. Трамп не обходится лишь экономическими мерами воздействия, активно принижая значение Индии в своей риторике, прибегая также и к прямым оскорблениям. В частности, президент США назвал экономику Индии «мертвой»²³. Данная оценка, впрочем, далека от истины, так как по темпам роста индийская экономика опережает даже китайскую, которой Д. Трамп подобной характеристики не давал²⁴.

«Трамплوماتия» стала настоящим вызовом для Индии, которая долгое время пользовалась положением важного международного политического брокера, поддерживая рабочие отношения одновременно и с США, и с Евросоюзом, и с Россией. Д. Трамп лишил Индию возможности сохранять баланс, требуя от нее безоговорочной лояльности.

Тем не менее эффект оказался, вероятно, неожиданным для Вашингтона: Индия пошла на сближение с Китаем, отношения с которым у правительства Н. Модии всегда были затруднены и который, как уже отмечалось, позиционируется Д. Трампом в качестве величайшей угрозы для США. Ярким символом этого сближения стал визит премьер-министра Индии в Пекин и его участие в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где также важным участником была и Россия²⁵. Таким образом, действия Д. Трампа привели к тому, что важный региональный партнер США пошел на сближение со странами, которые сами подвергаются давлению со стороны Вашингтона.

Более того, можно заметить смену внутриполитических настроений в Индии. В частности, премьер-министр Н. Мооди стал активно продвигать идею «Самостоятельной Индии», которая распространяется не только на торгов-

лю, но и на вопросы обороны, энергетики и инноваций²⁶.

Несмотря на экономические разногласия, стратегическое партнерство между двумя странами значительно укрепилось. Д. Трамп публично поддерживал жесткую линию Индии в отношении Китая после пограничных столкновений в Ладакхе. В 2025 г. администрация усилила военное сотрудничество в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), упростила поставки современных вооружений, включая истребители и системы противовоздушной обороны (ПВО), провела совместные военные учения в Индийском океане. Особое значение приобрело сотрудничество в сфере технологий: США предоставили Индии доступ к критически важным полупроводниковым технологиям и совместно развивали альтернативы китайской телекоммуникационной инфраструктуре²⁷.

На момент написания данного исследования отношения США и Индии демонстрируют парадоксальную динамику: стратегическое партнерство достигло беспрецедентного уровня, в то время как экономические трения продолжают продолжаться. «Трамплوماتия» в отношении Индии доказала свою эффективность в военно-стратегической сфере, но оказалась ограниченной в решении торгово-экономических вопросов. Будущее отношений будет зависеть от способности двух сторон найти баланс между стратегическими интересами и экономическими разногласиями в условиях растущего глобального соперничества с Китаем.

Украина

Политика Д. Трампа в отношении украинского конфликта сформировала радикально новый подход, основанный на принципе «Америка прежде всего» и последовательном отказе от

²³ Shalal A., Kumar M. Trump Imposes Extra 25% Tariff on Indian Goods, Ties Hit New Low // Reuters. August 7, 2025. URL: <https://www.reuters.com/world/india/trump-imposes-extra-25-tariff-indian-goods-ties-hit-new-low-2025-08-06/> (accessed: 02.11.2025).

²⁴ Real GDP Growth. Annual Percent Change // International Monetary Fund. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/DA/WEO/WORLD (accessed: 02.11.2025).

²⁵ Путин встретился с Мооди «на полях» саммита ШОС в Китае // Интерфакс. 01.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1045098> (дата обращения: 01.11.2025).

²⁶ Atmanirbhar Bharat: The Foundation of a Strong and Developed India // PMIndia. August 15, 2025. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/atmanirbhar-bharat-the-foundation-of-a-strong-and-developed-india/ (accessed: 02.11.2025).

²⁷ Индия и США намерены наращивать сотрудничество в «оборонке» и производстве полупроводников // Интерфакс. 01.02.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/884175> (дата обращения: 14.02.2025).

традиционной роли Вашингтона как гаранта европейской безопасности. После возвращения в Белый дом в 2025 г. этот курс оформился в конкретную стратегию, сочетающую элементы прагматизма, прямого давления и фундаментального пересмотра международных обязательств США.

Надежды на трансформацию ситуации вокруг Украины и начало мирного переговорного процесса, действительно, порой связывались наблюдателями с возможным приходом в Белый дом лидера республиканцев, позиция которого в условиях острого противостояния с американскими демократами и глобалистскими элитами США свидетельствовала о намерении быстро урегулировать конфликт (Гущин, 2025).

С первых месяцев второго срока администрация Д. Трампа приступила к реализации предвыборного обещания «положить конец бесконечной войне», что выразилось в замораживании новых пакетов военной помощи Киеву и сокращении объемов существующей поддержки. Публичная риторика Белого дома акцентировала необходимость «прекращения кровопролития любой ценой», сопровождаясь требованиями к европейским союзникам о компенсации расходов и принятии на себя основной финансовой нагрузки. Этот подход был подкреплен систематическим давлением на Украину с целью склонить ее к территориальным уступкам в обмен на расплывчатые «гарантии безопасности», что вызвало резкое неприятие официального Киева²⁸.

Характерной чертой «трампломатии» стали прямые неформальные каналы коммуникации с В.В. Путиным, выстроенные в обход традиционных дипломатических процедур и без существенных консультаций с европейскими партнерами. Назначение специального посланника для закрытых переговоров с Москвой и личные телефонные разговоры президента с российским лидером создали атмосферу стратегической неопределенности, вызвав серь-

езную озабоченность как в Киеве, так и в европейских столицах, где эти действия восприняли как подготовку к сепаратной сделке²⁹.

Параллельно администрация развернула многостороннее давление, выдвинув странам НАТО ультимативное требование самостоятельно обеспечить военные поставки Украине и взять на себя основное финансирование восстановления украинской инфраструктуры³⁰. Эта позиция спровоцировала кризис в трансатлантических отношениях, побудив европейские правительства к ускоренному созданию альтернативных механизмов безопасности, независимых от американского участия.

Д. Трампу предпочтителен мир на Украине как ввиду того, что Соединенные Штаты тратят на Украину значительные суммы денег, и из-за стремления обвинить в разжигании конфликта Дж. Байдена и его команду, так и по причине желания скорее развязать этот узел, постараться сделать это сугубо на своих условиях и сосредоточить внимание на своем конкуренте в лице КНР. Кроме того, в отличие от Дж. Байдена, Д. Трамп не имеет никакого отношения к нынешнему киевскому режиму и лично не заинтересован в его неограниченной поддержке. Однако все это не свидетельствует о готовности вести серьезный разговор о системе европейской безопасности с Россией как с равным партнером (Гущин, 2025).

К осени 2025 г. политика президента Трампа привела к значительному сокращению оперативных возможностей Украины, создав предпосылки для возобновления переговоров, но на значительно менее выгодных для Киева

²⁹ Выводы Европейского Совета по Украине // Представительство Европейского союза в Российской Федерации. 07.03.2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/%D0%B2%D1%8B%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B-%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D0%BE-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D0%B5-0_ru (дата обращения: 17.04.2025).

³⁰ Столтенберг призвал НАТО сохранить уровень поддержки Украины // РИА Новости. 11.06.2024. URL: <https://ria.ru/20240611/ukraina-1952231910.html> (дата обращения: 16.04.2025).

²⁸ Sunday Shows: Trump Administration Fighting for America First // The White House. March 2, 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/releases/2025/03/sunday-shows-trump-administration-fighting-for-america-first/> (accessed: 13.04.2025).

условиях. Возникший вакуум американского лидерства активизировал процессы европейской стратегической автономии, одновременно углубив расколы внутри самого альянса. Итогом «трампломатии» стало не урегулирование конфликта, а его трансформация в новую фазу, когда в Вашингтоне прагматичный расчет окончательно возобладал над союзническими обязательствами, создав прецедент для фундаментального пересмотра архитектуры европейской безопасности.

Конфликт на Украине — наиболее яркий пример отхода Д. Трампа от политики его предшественника. «Трамплوماتия» предполагает немедленное прекращение или резкое сокращение военной помощи Украине с целью принуждения Киева к переговорам с Россией на условиях Москвы. Это будет мотивировано не поддержкой Кремля, а транзакционной логикой: прекращением «бесполезных» расходов, желанием добиться «сделки» с Кремлем и перенаправлением ресурсов на сдерживание Китая.

НАТО

Отношения Д. Трампа с НАТО стали одним из наиболее ярких проявлений его внешнеполитической доктрины «Америка прежде всего». Его подход, сочетающий жесткое давление, прагматичный расчет и открытый скептицизм в отношении ценности Альянса, кардинально отличался от политики всех его предшественников и оказал глубокое влияние на трансатлантические отношения.

Подход Д. Трампа к НАТО и месту США в Альянсе можно также охарактеризовать как транзакционный. Президент США в первую очередь обеспокоен не вопросами боеспособности структуры, а тем, насколько справедливо распределена нагрузка между США и другими членами НАТО.

Ключевым элементом «трампломатии» в отношении НАТО стало требование к союзникам немедленно увеличить свои оборонные расходы до целевого показателя в 2 % ВВП³¹.

³¹ Кулагин В. Сможет ли Трамп довести военные расходы стран НАТО до 5% ВВП // Ведомости. 23.12.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/12/23/1083027-smozhet-li-trump-dovesti-voennye-rashodi-stran-nato> (дата обращения: 01.02.2026).

Глава Белого дома рассматривал НАТО не как стратегический союз, основанный на общих ценностях и интересах, а как клуб, где взносы (расходы на оборону) должны напрямую конвертироваться в защиту. Его знаменитый вопрос «А что нам с этого?» отражал это прагматичное, лишенное идеологии видение.

Для достижения удовлетворительного для США баланса в рамках НАТО Д. Трамп обращается преимущественно к инструментарию оказания давления. В отличие от предыдущих администраций Д. Трамп использовал публичные форумы (саммиты НАТО) для прямых обвинений и угроз. Он неоднократно заявлял, что США «несут непропорциональное бремя» и что альянс «устарел». Наиболее радикальным инструментом стало недвусмысленное заявление о возможности выхода США из НАТО, если союзники не подчинятся его требованиям. Это создало беспрецедентную стратегическую неопределенность для Европы, которая десятилетиями полагалась на американские гарантии безопасности. Еще в 2024 г., не будучи президентом, он заявлял, что в случае, если страны — члены Альянса не согласятся на повышение бюджетных расходов на НАТО, он «будет поощрять Россию делать все, что ей вздумается»³².

При этом Дональд Трамп неоднократно заявлял, что НАТО как структура более не является необходимой и морально устарела. Он рассматривает ее как своеобразную программу страхования, в рамках которой участники либо платят «за полное покрытие», либо не имеют права на полноценное участие в структуре. В частности, в 2018 г. Д. Трамп предлагал исключить Норвегию из НАТО³³.

Таким образом, Д. Трамп рассматривает НАТО не как международный военный альянс, а как площадку для удовлетворения личных

³² Colvin J. Trump Says He Once Told a NATO Ally to Pay Its Share or He'd 'Encourage' Russia to Do What It Want // AP. February 11, 2024. URL: <https://apnews.com/article/trump-nato-foreign-aid-russia-2b8054a9fe185eec34c2c541cece655d> (accessed: 05.11.2025).

³³ Stoltenberg Reveals Trump Wanted Norway Out of NATO in 2018 // Sweden Herald. September 29, 2025. URL: <https://swedenherald.com/article/stoltenberg-reveals-trump-considered-removing-norway-from-nato> (accessed: 05.11.2025).

политических амбиций и американских экономических потребностей. НАТО в его понимании — это клуб избранных, пользоваться привилегиями которого могут только платежеспособные и, что важнее, удобные США государства.

С сугубо практической точки зрения логика Д. Трампа по отношению к НАТО оправдала себя. Страны — члены Альянса согласились на повышение затрат на поддержание деятельности структуры до 5 % от ВВП к 2035 г. (Yudin & Iwersen, 2025).

Все эти действия укладываются в предложенную концепцию «трампломатии», так как отвечают ее базовым постулатам. Все заявленное и осуществленное Д. Трампом по отношению к НАТО соответствует принципу «Америка прежде всего», причем не только в контексте удовлетворения в первую очередь американских интересов, но и в контексте выдвижения воли США на первый план. Если ранее НАТО считалась проамериканской структурой, где США были «первыми среди равных», то теперь НАТО — альянс стран, борющихся за благосклонность со стороны США, что существенным образом меняет как динамику отношений, так и характер всей организации. США отныне в меньшей степени член НАТО, и в большей степени — ревизор и поставщик вооружений. Конфликты НАТО — это более не конфликты США, но рынок сбыта.

Более того, Д. Трамп вывел вопрос международной безопасности за пределы НАТО, сделав себя лично активным актором в данной сфере. Так, в октябре 2025 г. Белый дом опубликовал президентский указ, в котором обязался защищать Катар в случае нападения со стороны другой страны по аналогии со ст. 5 Устава НАТО. В указе говорилось, что США будут рассматривать «любое вооруженное нападение» на Катар «как угрозу миру и безопасности Соединенных Штатов»³⁴. Данный пример красноречив вдвойне. Во-первых, сделал

это Д. Трамп после того, как получил от Катара крупные инвестиции в экономику США. Во-вторых, этот указ не помешал Израилю нанести удар по Катару без каких-либо санкций со стороны США. Таким образом, мы наблюдаем, как транзакционный подход Д. Трампа одновременно мотивирует его принимать те или иные решения, но в то же время не подкрепляется какими-либо реальными действиями.

Наконец, не отклоняется Д. Трамп от концепции «трампломатии» и в том, что его активность по отношению к НАТО связана параллельно с рядом других интересующих президента США направлений. В результате риторика Д. Трампа в сторону НАТО — это еще и механизм решения других политических задач. В частности, не желая самостоятельно вводить санкции в отношении России, Д. Трамп требует от стран — членов НАТО прекращения закупок российских энергоносителей, а также введения тарифов в отношении Китая. Рычагом давления при этом остается «дамоклов меч» выхода США из НАТО.

В перспективе описанный подход Д. Трампа к НАТО ведет к формированию в НАТО вассальной системы, в рамках которой через Альянс США смогут диктовать Европе, какой политики ей придерживаться. Это закономерным образом ведет к ребалансировке региональных отношений, в рамках которой ЕС получит бóльшую автономию действий, но меньшие гарантии безопасности в связи со снижением финансовой и военной вовлеченности США. Подрыв доверия к США как к надежному союзнику уже заставил Европу задуматься о стратегической автономии. Такие инициативы, как Постоянное структурированное сотрудничество (PESCO) в ЕС, получили дополнительный импульс.

Можно прогнозировать переосмысление НАТО как международной структуры, в рамках которого возможна атомизация Альянса вплоть до распада на более компактные оборонные блоки. Без цементирующей роли США для многих стран-участниц Альянса становится в большей степени бременем, чем щитом. Причем это зависит не от президента Трампа, который занимает президентский

³⁴ Benen S. Trump Offers Qatar, Which Gave Him a Fancy Plane, a NATO-Like Security Guarantee // MS Now. October 2, 2025. URL: <https://www.msnbc.com/rachel-maddow-show/maddowblog/trump-offers-qatar-gave-fancy-plane-nato-security-guarantee-rcna235175> (accessed: 05.11.2025).

пост в последний раз, и не от того, какая администрация его сменит, а от растущих центробежных тенденций в самой организации, которые тем не менее спровоцированы именно лидером США³⁵.

Стиль Д. Трампа создал глубокий раскол внутри альянса, разделив его на страны, которые рассматривали его методы как необходимую «встряску», и те, кто видел в них экзистенциальную угрозу для западного единства.

«Трампломатия» в отношениях с НАТО представляла собой стратегию управляемого кризиса. Используя финансовое давление и угрозу одностороннего выхода, Д. Трамп заставил союзников увеличить оборонные расходы, достигнув тактического успеха. Однако эта стратегия была основана на подрыве фундаментальных принципов альянса — взаимного доверия и коллективной безопасности. В долгосрочной перспективе это ускорило пересмотр Европой своей зависимости от США и заложило семена потенциальной трансформации НАТО, последствия которой продолжают определять геополитический ландшафт и в настоящее время.

При этом пока не следует ожидать выхода США из НАТО, что было бы стратегически рискованно. Скорее произойдет «трампизация» Альянса, то есть его перевод в формат чисто военного блока, отказ от политических функций, вывод американских войск из стран, «не выполняющих обязательства», и фокус на противостоянии с Китаем как на главной задаче, что противоречит первоначальной цели НАТО. Это может привести к де-факто расколу на «европейскую» и «американскую» ветви НАТО.

Ближний Восток (Израиль и Палестина)

Политика Д. Трампа в отношении палестино-израильского конфликта стала демонстрацией радикального разрыва с десятилетиями американской дипломатической традиции, основанной на принципе «земля в обмен на мир».

Подход действующего главы Белого дома, характеризующийся односторонними действиями в пользу Израиля и системным игнорированием палестинских интересов, привел к фундаментальной трансформации параметров урегулирования конфликта.

Данный подход представляет собой сложное сочетание идеологии «Америка прежде всего», направленной на избежание длительных внешнеполитических конфликтов, и крайне амбициозной дипломатии, ориентированной на заключение сделок и нацеленной на достижение исторического соглашения. Д. Трамп сочетает заявленное стремление положить конец войне с непоколебимой поддержкой Израиля. Соответственно, подход президента США к данному ближневосточному конфликту полностью укладывается в рамки концепции «трапломатии».

Центральным элементом этой стратегии стала серия символически значимых и спорных внешнеполитических решений, направленных на легитимацию ключевых израильских требований. Признание Иерусалима столицей Израиля в декабре 2017 г. и последующий перенос туда американского посольства не только нарушили международный консенсус, но и фактически сняли с повестки дня один из самых чувствительных вопросов окончательного статуса священного города. Этот шаг, воспринятый палестинцами как акт аннексии, привел к разрыву отношений с Палестинской национальной администрацией и сделал невозможным возобновление прямых переговоров на прежних условиях.

Дальнейшее усиление одностороннего курса проявилось в признании суверенитета Израиля над сирийскими Голанскими высотами в 2019 г., что создало опасный прецедент легитимации территориальных приобретений в результате военного конфликта. Однако наиболее структурные последствия имело представление в январе 2020 г. так называемой «Сделки века» (*Peace to Prosperity*). Разработанный без участия палестинской стороны, план предусматривал сохранение израильского контроля над объединенным Иерусалимом, аннексию израильских поселений на Западном бере-

³⁵ Minges M. Understanding the Future of the Transatlantic Partnership // American University. September 24, 2025. URL: <https://www.american.edu/sis/news/20250924-understanding-the-future-of-the-transatlantic-partnership.cfm> (accessed: 01.11.2025).

гу и в долине р. Иордан, а также создание палестинского государства с ограниченным суверенитетом на фрагментированной территории. Несмотря на декларативную ориентацию на экономическое развитие, план игнорировал ключевые палестинские требования о праве на возвращение и суверенитете, что сделало его неприемлемым для палестинского руководства.

Итогом «трампломатии» для палестино-израильского конфликта стало не урегулирование, а системное разрушение прежних дипломатических рамок. Односторонние действия администрации Д. Трампа легитимировали максималистские позиции Израиля, маргинализировали палестинское руководство и создали новые факты на местах, существенно осложнившие возможность возвращения к переговорам на основе принципа двух государств. Это наследие продолжает определять параметры политики США в регионе, демонстрируя эффективность тактики создания необратимых изменений как инструмента внешнеполитического влияния.

После возвращения в Белый дом в 2025 г. Д. Трамп принялся старательно формировать образ миротворца, заканчивающего войны. Поэтому политика Д. Трампа в отношении палестино-израильского конфликта, начатая в его первый срок, не только сохранилась после победы на президентских выборах в 2024 г., но и приобрела новые, более радикальные черты. Курс на односторонние действия в пользу Израиля трансформировался в последовательную стратегию по созданию необратимых изменений на местах.

В подходе президента Д. Трампа к тому, как завершать конфликт, прослеживается особенность «трампломатии» — транзакционный подход. Для США важнее всего «закрыть сделку» — посадить стороны за стол переговоров, а ответственность за сохранение мира переложить на третьи стороны. Это можно увидеть и в плане Трампа — Блэра³⁶ из 20 пунктов по

формированию новой администрации в секторе Газа: возглавить структуру намерен лично Д. Трамп, но вопросы безопасности, разоружения боевых группировок и гуманитарной помощи перекадываются на ООН, арабские страны и ЕС.

При этом сам конфликт Д. Трамп рассматривает как нечто не связанное с США, несмотря на последовательную поддержку действий Израиля в Палестине³⁷. Среди прочего администрация президента США отменила частичное эмбарго на поставки оружия Израилю, ускорила выделение миллиардов на военную помощь и одобрила крупные продажи оружия³⁸. И в этом проявляется идея «Америка прежде всего»: Д. Трамп не заинтересован в прямом вмешательстве США в данное противостояние, предпочитая давать союзнику средства для ведения войны, но не собственную военную мощь.

Как и в других примерах применения президентом США «трампломатии», на ближневосточном направлении очевидна пагубность избранного подхода для позиций США в регионе. Активное участие США в урегулировании конфликта в качестве защитника интересов Израиля воспринимается странами региона как интервенция. Оно показало, что военное партнерство с США не является безусловным и надежным, что ярче всего продемонстрировал безнаказанный удар Израиля по территории Катара (сентябрь 2025 г.³⁹) — важного военного союзника США на Ближнем Востоке. Более того, предложения Д. Трампа, особенно касающиеся переселения населения Палестины, осложнили дипломатию, оттолкнули ключевых арабских партнеров и вызвали между-

³⁷ Speri A. Can Trump Put 'America First' and Also Make Peace in the Middle East? // Aljazeera. January 23, 2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/1/23/can-trump-put-america-first-and-also-make-peace-in-the-middle-east> (accessed: 02.11.2025).

³⁸ El Baz L., Smeltz L. Republicans Favor Trump Approach to Israel—Hamas War // The Chicago Council on Global Affairs. September 18, 2025. URL: <https://globalaffairs.org/research/public-opinion-survey/republicans-favor-trump-approach-israel-hamas-war> (accessed: 02.11.2025).

³⁹ Взрывы в Дохе вышли громкими // Коммерсантъ. 10.09.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8025284> (дата обращения: 02.11.2025).

³⁶ Hooper S. All the Gaza Ceasefire Details You Need to Know in Donald Trump's Peace Plan // Metro. October 10, 2025. URL: <https://metro.co.uk/2025/10/10/gaza-ceasefire-details-need-know-donald-trumps-peace-plan-goes-ahead-24390050/> (accessed: 01.11.2025).

народную критику, что потенциально затрудняет достижение устойчивого мира.

В доктрине администрации Д. Трампа «Америка прежде всего» приоритетное место занимают односторонние, транзакционные сделки, а не многостороннее сотрудничество и общие ценности. Этот подход сделал США более изолированными на мировой арене и заставил союзников усомниться в надежности американского лидерства. Позиция Д. Трампа и предлагаемый им план урегулирования конфликта в секторе Газа существенно меняют международные отношения, обостряют взаимодействие с традиционными союзниками, меняют динамику на Ближнем Востоке и бросают вызов существующему мировому порядку. Так, подход Д. Трампа к конфликту игнорирует позиции европейских стран, в частности тех, которые признали Палестину как государство. Это углубляет трансатлантический политический разрыв и подрывает деятельность стран ЕС в регионе. Более того, безоговорочная поддержка Д. Трампом решений Б. Нетаньяху снижает статус таких международных структур, как Международный уголовный суд, против судей которого в США были введены санкции, и ООН, подвергнувшаяся критике со стороны президента США. Игнорирование вопроса места проживания палестинцев ставит под угрозу и региональную стабильность на Ближнем Востоке: в частности, данная проблематика беспокоит Иорданию, для которой потенциал наплыва большого числа палестинских беженцев угрожает легитимности действующей власти.

Избранный главой Белого дома подход укрепил международное сообщество в мнении о том, что США больше не являются нейтральным арбитром, а представляют собой тенденциозную державу, добивающуюся собственной выгоды даже ценой отчуждения союзников и подрыва международных институтов. Это не только осложнило путь к миру в секторе Газа, но и способствует большей нестабильности и фрагментации международной системы, где страны все чаще вынуждены подстраховываться и отдавать приоритет собственным национальным интересам перед лицом односторонних действий Вашингтона.

Заключение

Возвращение Дональда Трампа к власти в 2025 г. подтвердило, что «трампломатия» представляет собой не временную аномалию, а устойчивый вызов основам классической дипломатии. Проведенный сравнительный анализ позволил выявить системные изменения, которые продолжают трансформировать международные отношения даже после четырехлетнего перерыва, когда Белый дом занимала администрация Дж. Байдена. Показательно, что этот период не смог полностью реанимировать доверие союзников и вернуть предсказуемость внешней политике США — наследие трамповского подхода оказалось глубже, чем предполагалось. Второй срок Д. Трампа окончательно закрепляет представление о Вашингтоне как о ненадежном партнере, чья политика может кардинально меняться каждые 4–8 лет, что подрывает саму идею долгосрочных союзнических обязательств.

Тактика «управляемого хаоса», составляющая ядро «трампломатии», перестает восприниматься как дипломатическая экзотика и становится новой нормальностью, к которой другим международным игрокам — как союзникам, так и противникам США — приходится адаптироваться путем разработки собственных стратегических «амортизаторов». Эта адаптация проявляется в ускоренном создании альтернативных механизмов безопасности и экономических союзов, не зависящих от американского участия. Подобная трансформация свидетельствует о глубоком кризисе либерального интернационализма, а «трампломатия» выступает одновременно и симптомом, и катализатором системного разложения проекта либерального миропорядка. Она последовательно ускоряет процессы регионализации и фрагментации глобальной системы, где сила и двусторонние сделки начинают решительно преобладать над нормами и многосторонними институтами.

В заключение следует признать, что второй президентский срок Д. Трампа знаменует собой окончательную институционализацию «трампломатии» как новой, альтернативной парадигмы американской внешней политики.

Ее главным итогом становится не тактический успех в отдельных переговорах, а фундаментальная трансформация роли США в мире — переход от статуса гаранта стабильности либерального порядка к положению источника перманентной турбулентности, действующего исключительно в логике сиюминутного интереса. Это неминуемо ведет к нескольким системным последствиям — ускоренному формированию многополярного мира, в котором союзники США будут вынуждены проводить более самостоятельную политику, что особенно заметно на

примере Европейского союза, а конкуренты — активизировать создание альтернативных институтов, как это делают Китай и Россия.

Таким образом, «трампломатия» перерастает рамки персонального стиля одного политика и становится фактором структурной перестройки всей системы международных отношений, определяя контуры новой глобальной реальности, где предсказуемость и стабильность уступают место гибкости и адаптивности в условиях постоянной неопределенности.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 25.03.2026

Принята к публикации / Accepted: 27.03.2026

Список литературы

- Гасимова Р. Р., Подковырина Н. В. Анализ политической персоны: Дональд Трамп // Анализ политических персон : по материалам конференций и семинаров. Вып. 1. Москва : ИД «Научная библиотека», 2018. С. 127–135. EDN: YWWWBC
- Громов А. Трамп. Москва : АСТ ; Времена, 2025.
- Гущин А. В. Итоги президентских выборов в США и их влияние на перспективы урегулирования конфликта на Украине // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8, № 1. С. 19–26. EDN: BSKCOD
- Дробницкий Д. О. Бизнесмен-харизматик на пути в Вашингтон (Trump, Donald J. Crippled America: How To Make America Great Again. Threshold Editions; Simon & Schuster, 2015) // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 253–261. EDN: WFRXBL
- Клюкин Н. Д. Внешняя политика Дональда Джона Трампа // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 9. С. 96–103. EDN: MPFYPU
- Курылев К. П., Мартыненко Е. В., Пархитко Н. П., Станис Д. В. Политика Shell в России в условиях санкционных мер стран Запада // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 1. С. 189–204. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-01-189>; EDN: YRGPEX
- Лябухов И. В. Трансакционная дипломатия Дональда Трампа как средство достижения внешнеполитических целей // Международная жизнь. 2025. № 10. С. 90–101. EDN: MWLNAD
- Райнхардт Р. О. Новые формы и методы дипломатии // Международная аналитика. 2020. Т. 11, № 4. С. 11–20. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-11-20>; EDN: BMDVKK
- Русакович А. В. Некоторые тенденции развития современной дипломатии // Дипломатия Беларуси: прошлое и настоящее : материалы научного семинара / под ред. А.В. Русаковича. Минск : БГУ, 2017. С. 22–25. EDN: GHQLYL
- Станис Д. В., Курылев К. П. Крупный бизнес в высших эшелонах власти США. На примере Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7, № 3. С. 226–238. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-3-226-238>; EDN: HOCTJL
- Станис Д. В., Курылев К. П. Проблема участия частного бизнеса США в системе государственного управления: на примере корпорации ExxonMobil // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5, № 1. С. 22–32. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2018-5-1-22-32>; EDN: YNMAJF
- Трамп Д. Д., Шварц Т. Искусство заключать сделки / пер. с англ. Н. Зарахович. 6-е изд. Москва : Альпина Бизнес Букс, 2010. EDN: QULCMN
- Трамп и его политика : первое президентство (2017–2021) / отв. ред. В.Н. Гарбузова, П. С. Золотарёва, В. Б. Суряна. Москва : Весь Мир, 2025. EDN: TXIDKN
- Феномен Трампа / под ред. А. В. Кузнецова. Москва : ИНИОН РАН, 2020. EDN: CIMATV

- Allin D. H. The Return of Donald Trump // *Survival*. 2024. Vol. 66, iss. 6. P. 193–202. <https://doi.org/10.1080/00396338.2024.2432214>; EDN: YQFSNY
- Alserda M. The Language of Political War: How Donald Trump Integrates War Into Mainstream Political Discourse // *Journal of Dialogue Studies*. 2025. Vol. 12. P. 22–45. <https://doi.org/10.55207/gopz7222>; EDN: RYHBDX
- Fitzsimmons S. Personality and Adherence to International Agreements: The Case of President Donald Trump // *International Relations*. 2022. Vol. 36, no. 1. P. 40–60. <https://doi.org/10.1177/0047117820965656>; EDN: GQOVMY
- Grzegorzewski F. Strategic Ambiguity in US–Taiwan Relations During the Donald Trump Administration // *Polish Political Science Yearbook*. 2022. Vol. 1, no. 51. P. 59–74. <https://doi.org/10.15804/pps202210>; EDN: IOLFCC
- Kosyakov V. E. Political Cynicism as a Basis of the Success of Donald Trump’s Election Campaign // *Abyss (Studies in Philosophy, Political Science and Social Anthropology)*. 2022. No. 2. P. 85–92. EDN: IVSMYK
- Kuranchie P. Incompleteness: Donald Trump, Populism and Citizenship, Francis B. Nyamnjoh (2022) // *Journal of African Media Studies*. 2024. Vol. 16, iss. 1. P. 111–113. https://doi.org/10.1386/jams_00117_5; EDN: YZLUCA
- Latypova N. S. History of Emergency Powers of the US Presidents: From Abraham Lincoln to Donald Trump // *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2021. Vol. 26, no. 4. P. 193–211. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.4.17>; EDN: FPMEPA
- Lin J. From Barack Obama to Donald Trump: The Evolution of Moral Appeals in National Conventions // *Journal of Language and Politics*. 2025. Vol. 24, iss. 2. P. 177–312. <https://doi.org/10.1075/jlp.22173.lin>; EDN: OBHWZH
- Milkis S. M. Review Essay: Donald Trump, Charismatic Leadership and the “Deep State” // *Political Science Quarterly*. 2025. Vol. 140, iss. 2. P. 309–325. <https://doi.org/10.1093/psquar/qqae018>; EDN: NKOWKP
- Nguyen T. B. G., Tran X. H. Disclaim Resources in Donald Trump’s Inaugural Speeches: A Corpus-Based Approach // *Terra Linguistica*. 2025. Vol. 16, iss. 2. P. 118–134. <https://doi.org/10.18721/JHSS.16208>; EDN: GFMWQU
- Popova E. A., Ivanova A. A. Speech Strategies in the Political Discourse of Donald Trump and Kamala Harris in the Framework of the 2024 Election Campaign // *Глобальный научный потенциал*. 2024. № 10. С. 338–340. EDN: GUOGOL
- Shahbaz M., Mustafa G., Liaqat B. B. Indo-American Relations During Donald Trump Era: Implications for Pakistan // *Global Political Review*. 2024. Vol. IX, no. III. P. 9–20. [https://doi.org/10.31703/gpr.2024\(IX-III\).02](https://doi.org/10.31703/gpr.2024(IX-III).02); EDN: CXLDTK
- Spencer E. K. When Donald Trump Dropped the Bass: The Weaponization of Dubstep in Internet Trolling Strategies, 2011–2016 // *Twentieth-Century Music*. 2025. Vol. 22, iss. 1. P. 107–129. <https://doi.org/10.1017/S1478572224000094>; EDN: ANWFYN
- Yakovlev P. P. Política de Estados Unidos en América Latina: Trump — Biden — Trump 2.0 // *Iberoamerica*. 2025. No. 1. P. 5–29. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2025-01-01>; EDN: WKAJNR
- Yudin N. O., Iwersen A. K. The Second Coming of Donald Trump and Its Impact on US-German Relations // *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 3. С. 328–332. EDN: TCIABY

Сведения об авторах:

Курьев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код: 3131-8642; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Станис Дарья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2; eLibrary SPIN-код; ORCID: 0000-0002-9824-0365; e-mail: stanis-dv@rudn.ru

Пархитко Николай Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международной журналистики, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2; eLibrary SPIN-код: 6478-1225; ORCID: 0000-0002-7678-5735; e-mail: npparkhitko@fa.ru

Пятибратов Иван Сергеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49/2; eLibrary SPIN-код: 4868-3772; ORCID: 0000-0003-3652-8483; e-mail: ispyatibratov@fa.ru